

Неканонические способы выражения критики в научной дискуссии

О.Н. ЧАЛОВА

В статье выделяются и характеризуются основные случаи «отклонений» (девиаций) от коммуникативных стандартов научного общения, устанавливаются причины модификации первичных параметров научного дискурса, к числу которых прежде всего относятся его жанровая принадлежность, а также форма существования. В заключение формулируется вывод о небеспредельности дискурсивных модификаций и об обусловленности их границ конститутивными признаками научного дискурса.

Ключевые слова: дискурс, научный дискурс, речевой акт, критическое замечание, речевое воздействие, принципы конструктивного общения.

The research examines the main types of «deviations» from the communicative standards of a scientific communication as well as the reasons for modifying the primary parameters of a scientific communication that mainly include both the genre affiliation of a scientific discourse and the form of its developing. In conclusion, the limited character of discursive «deviations» is stated as well as the dependence of the restrictions imposed on deviations on the primary principles of a scientific discourse.

Keywords: discourse, scientific discourse, speech act, critical statement, speech persuasion, principles of a constructive communication.

Введение. Научный дискурс обладает конкретными чертами и соответствует определенным прагматическим канонам, в частности принципу кооперации (Г.П. Грайс) и принципу вежливости (Дж. Лич) как традиционным принципам конструктивного общения.

По крайней мере с таких позиций научный дискурс рассматривается в рамках стилистического анализа, где он трактуется как фиксированный набор признаков и свойств и характеризуется как речь, ориентированная исключительно на выработку нового знания и отвечающая требованиям объективности, четкости, логичности, толерантности и проч.

Однако в реальной практике научной коммуникации обнаруживаются регулярные отклонения от описанных в лингвистической литературе канонов научной речи, что обуславливается жанровой спецификой научного общения, текущими условиями и обстоятельствами общения, статусно-ролевыми характеристиками участников, их интенциями и установками и проч. ([1]–[6] и др.).

Во всяком случае коммуникативные девиации наблюдаются в таком жанре научного дискурса, как *устная научная дискуссия (научный диалог)*, прагматическое своеобразие которой (полемический характер, быстрая смена реплик и др.) сдвигает общепризнанные нормы речевого общения в сфере науки, мотивирует использование способов воздействия на адресата, не соответствующих «идеалу» научной коммуникации, но при этом способствующих либо существенно не препятствующих продуктивности научного общения.

По нашим данным, в научной дискуссии к числу приемлемых для научного общения отступлений от принципов кооперативного речевого поведения целесообразно относить некоторые отклонения от постулатов релевантности, количества, качества и способа, а также от принципа вежливости *в ситуации выражения критики*. Рассмотрению этих отклонений, не наносящих серьезного урона содержательной стороне научного диалога в целом (хотя иногда и приводящим к незначительным коммуникативным неудачам на определенном участке речевого взаимодействия), а также выявлению причин их использования, и посвящена настоящая работа. Решение этой задачи может позволить расширить наши представления о границах коммуникативного пространства научного дискурса.

Как известно, *критика* (во всем многообразии ее проявлений – от несогласия с научной позицией собеседника до отрицательной характеристики его конкретного высказывания) является неотъемлемым компонентом научного дискурса, в том числе и научной дискуссии, поскольку представляет собой действенный инструмент верификации знаний, надежный вид экспертизы качества научной деятельности.

Согласно содержательным и этикетным стандартам научной речи, **каноническое критическое замечание** в научной дискуссии должно представлять собой (и в большинстве случаев представляет) корректно сформулированное **а) заявление** (прямое или косвенное) о «слабых» сторонах позиции оппонента или заявление о несогласии, сопровождаемое **б) доводами** в пользу данного заявления, а в некоторых случаях – и **в) деинтенсифицирующим компонентом**, например формулами вежливости (наподобие благодарности за участие в научном форуме) или констатацией своей неуверенности в неправомерности позиции оппонента. Другими словами, стандартная критика в научной дискуссии выстраивается по формуле:

«Критическое суждение = заявление о несогласии (или об уязвимых местах позиции оппонента) + доводы / аргументы + (опционально) деинтенсифицирующий компонент», где факультативность последнего компонента объясняется кооперативным характером выражения других элементов критического замечания.

Так, критическое замечание (несогласие с мнением коллеги) *«Тогда следующий вопрос на счет различия экспериментальной и инновационной работы. Я с этим не соглашусь, и вот по какой причине. Любая инновация представляет собой образчик, выполненный в некоторой системе. <...> Поэтому освоение кем-то созданной инновации – процесс, на мой взгляд, экспериментальный»* можно вполне трактовать как каноническое, поскольку оно содержит все элементы предлагаемой формулы, а именно констатацию несогласия, аргументативную часть и деинтенсифицирующий компонент (*на мой взгляд*).

Любые содержательные или этикетные отступления от этой формулы можно рассматривать в качестве **неканонических способов выражения критики**.

Несмотря на то, что неканонические виды критики в той или иной степени нарушают принципы и постулаты общения, они обнаруживаются в целом ряде научных дискуссий, пусть и в качестве исключения. Такая регулярность и стабильность подобных исключений позволяет приписать им статус элемента, обязательного для отображения действительности, а соответственно, отнести к разряду варианта нормы, хотя и неконвенциональной.

Основная часть. Остановимся подробнее на **основных видах неканонической (неконвенциональной) критики**, представленных в научной дискуссии.

1. Апелляция к личности. Под апелляцией к личности подразумевается дискредитация не конкретной позиции ученого (или группы ученых), а его самого как исследователя или человека, его профессиональной и повседневной деятельности в целом: *Наверное, есть какие-то случаи такого рода, о которых вы говорите, хотя я думаю, что когда представители других наук, в частности, философии, цитируют что-то, касающееся происхождения слов, то всё-таки они берут это у лингвистов, не обязательно у такого рода любительских лингвистов* (в данном случае критика представлена в форме ироничного комментария по поводу профессиональных качеств оппонента).

В основе данного вида критики лежит референтный сдвиг, то есть смена объекта негативной оценки (с конкретного суждения на автора этого суждения или школы / организации, к которой он принадлежит), и прием обобщения / преувеличения:

Мне кажется, катастрофические прогнозы строятся некомпетентными людьми, причем степень их невежественности поражает.

(1): *Не совсем так. В таком смысле я не могу...*

(2): *Жалко. Это портит твою профессиональную позицию.*

Безусловно, такое речевое поведение нельзя считать корректным, поскольку оно слабо содействует реализации глобальной цели научного дискурса – решению определенной научной проблемы и приращению знания. Кроме того, апелляция к личности носит деструктивный характер не только в аспекте содержательного развития научного диалога, но и с этикетной точки зрения, так как нарушает один из главнейших постулатов научного общения – дружеское и вежливое отношение к собеседнику. Тем не менее подобная критика имеет место в научных дискуссиях, что, вероятно, объясняется причинами субъективного порядка, личностными свойствами критикующего, его сильным стремлением четко обозначить свою позицию в отношении конкретного лица и оказать сильное императивное воздействие на адресата.

Как видно, апелляция к личности может принимать форму **навешивания ярлыков**, проявляющуюся в приписывании оппоненту негативных качеств на основании истинной или кажущейся ошибочности его мнения. Так, в примере ниже несогласие с теорией замедления Гольфстрима, которое (несогласие) уже само по себе носит ярко выраженный экспрессивный характер за счет использования стилистически сниженного слова «чушь», подкрепляется обвинениями в некомпетентности тех, кто отстаивает данную точку зрения:

(1): *Спасибо. И последний вопрос по поводу течений в Мировом океане. Время от времени появляется информация о том, что прогнозируются какие-то изменения с Гольфстримом. Вы можете это как-то прокомментировать?*

(2): *Могу двумя словами – чушь полная. Прогнозируется то, что интенсивность Гольфстрима уменьшится до такой степени, что Северная Атлантика покроется льдом, и, соответственно, Нью-Йорк, Лондон, Париж приобретут климат, близкий к сибирскому. Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. **К таким выводам могут приходиться только люди, плохо знакомые с историей климата.** <...>.*

Автор приведенной реплики в категоричной и бескомпромиссной форме формулирует вывод о малограмотности (в области истории климата) сторонников концепции усиливающегося замедления Гольфстрима (*К таким выводам могут приходиться только люди, плохо знакомые с историей климата*) и, таким образом, формирует негативный образ последних, несмотря на то что изначально запроса на оценку их профессионализма не поступало со стороны других участников научной дискуссии. В этой связи анализируемое критическое замечание стоит квалифицировать не просто как невежливое, но и некооперативное сообщение в самом широком смысле, поскольку оно не соответствует одной из базовых категорий гармоничного речевого поведения – категории отношения / релевантности («Не отклоняйся от темы»).

Еще более ярко прием навешивания ярлыков манифестируется в репликах, где критике подвергается не обобщенный образ ученого или научного сообщества, а конкретный человек, ср.: (о Марии Монтессори) *Правильно. Вы нашли себе неудавшегося поэта и неудавшегося театрала, который переквалифицировался в педагога... Чтобы не было концов, чтобы там, дальше, уже нельзя было найти предтечи.*

Автор приведенной реплики не только в довольно экспрессивной форме не соглашается с мнением коллеги, а параллельно с этим подвергает жесткой критике еще одного ученого (Марию Монтессори), которая характеризуется им как неудачница, человек, несостоявшийся сразу в нескольких сферах жизни, что совершается с целью умаления ее авторитета не только в обозначенных областях (поэзия и театр), но и педагогике. Однако наличие ошибок в прошлом вовсе не означает, что при смене деятельности человек также потерпит фиаско. Другими словами, констатация несостоятельности М. Монтессори как педагога является некорректным и нарушает такой постулат кооперативного речевого поведения, как качество («Говори то, на что имеешь достаточно оснований»). Более того, подобные критические замечания противоречат и принципу вежливости, основанному на уважении позиции оппонента, но при этом превращают научную дискуссию из «бледной и бесстрастной фотографии действительности» (В.Л. Наер) в живое и эмоциональное общение, не лишенное личностного начала.

2. Апелляция к негативным эмоциям. Если апелляция к рациональному является абсолютной нормой для научной дискуссии, то апелляция к эмоциям (грусти, гнева, ужаса, страха, удивления, удивления, отвращения, недовольства, настороженности, недоумение, возмущение, раздражение и другим негативным переживаниям, вызванным несогласием с конкретной научной позицией) – относительной: *У меня два вопроса. Первый – недоумение: почему ты выделяешь проблематизацию средств, а не всего содержания методологической работы?* или *Меня ужасно раздражало и смущало в этом всё слово «психология». Какая психология? Что такое вообще психология?* <...>.

Спорадический характер подобного рода критики обусловлен ее несоответствием базовым принципам научного дискурса (объективности, логичности и проч.), ср.: *Я люблю Индию и об Индии сейчас пишу, и мне просто каждый раз больно слышать теорию входа арийцев, и она повторяется в учебниках, везде. Это ужасно. А если мы перевернем все представление о ходе и движении рас и языков, то это все должно отпасть само собой.* В то же время апелляция к не-

гитивным переживаниям с присущей ей избыточной эмоциональностью служит средством демонстрации заинтересованности коммуникантов в предмете обсуждения, в научном диалоге, в его участниках и их воззрениях. Более того, такое несогласие стоит считать приемом, не столько повышающим эмоциональный фон дискуссии, сколько средством, понижающим степень ее полемичности, устоявшимся способом маскировки интеллектуальной оценки (негативной).

3. Указание на нелепость взглядов оппонента. Указание на нелепость взглядов оппонента – это ещё одна разновидность критики, отличающаяся резкостью и категоричностью, в том числе и за счет использования стилистически сниженной лексики, и напоминая описанную выше ссылку на эмоции. Только если в предыдущем случае эмоциональная оценка (смещающаяся в сторону интеллектуальной) представляет собой прямое указание на чувства автора, то ссылка на нелепость позиции оппонента – имплицитную апелляцию к негативным переживаниям (возмущению, гневу, недоумению, ужасу, отвращению и др.), обусловленную полным несогласием с положениями коллеги:

Должен быть присвоен инвентарный номер! Какой музей, где нет инвентарного номера единицы хранения? Что вы ерунду говорите? Скажите, какой музей.

Многие фразы, написанные здесь, просто уму непостижимы, и в этом смысле я не могу оценить текст, потому что я его не понимаю.

Теперь по поводу того, о чем говорилось в ходе дискуссии. Есть некоторые формулировки, которые вызывают у меня желание схватиться за голову. <...> И вторая формулировка, от которой хочется залезть на стену – «нормальное общество». Я не знаю, что такое «нормальное общество».

Это фантастический бред по поводу того, что происходило с климатом Северного Ледовитого океана.

На первый взгляд, приведенные формулировки противоречат всем возможным принципам и постулатам кооперативного общения, но, с другой стороны, разнообразят речевой процесс и в силу специфики своей формы (в некоторых случаях стилистически сниженной) служат средством быстрого и эффективного воздействия на адресата, позволяющим последнему посмотреть на подлежащие защите положения по-другому и пересмотреть свои взгляды.

4. Интенсифицированное несогласие. *Интенсифицированное несогласие* – несогласие, содержащее высокую концентрацию ссылок на изъяны и неточности (*Для меня схема мыследеятельности как онтологическая схема – ложная. Она ничего не представляет как модель процессов мыследеятельности, как оно вводилось в наших рассуждениях. На мой взгляд, там огромное количество графических ошибок. Графемы там неадекватны*), а также языковые или речевые повторы, иногда в сочетании со специальными словами-акцентуаторами (*очень, сильно, абсолютно* и др.), указывающими на избыточную степень проявления качества: *Я абсолютно не согласен с тем, что либерализм – это не о том, как свергнуть старый строй. Подчеркну, я абсолютно не согласен с тем, что либерализм в целом, а не отдельные его течения, против революции.*

Как видно из последнего примера, несмотря на некоторую навязчивость и категоричность повторов-несогласий, а также их отступление от постулата количества (выделяемого в теории кооперативного речевого поведения), они выполняют ряд важных для научного диалога функций, прежде всего выделительную, привлекают внимание оппонента и окружающих к уязвимым «местам» положений, а также играют уточняющую роль.

5. Неаргументированная критика. Не подкрепленная доводами критика нарушает аргументативную логику рассуждения (*Я в этом сомневаюсь*), а если при этом содержит стилистически сниженную лексику (*Бред это всё! Мифы ваши!.. Вульгарного сенсуализма!..*), то и повышает степень эмоциональности диалога, что в очередной раз противоречит принципам традиционной научной речи.

Тем не менее содержательная насыщенность научной коммуникации обычно настолько высока, что отдельные малоинформативные эпизоды, наподобие неаргументированной критики, не оказывают на развитие научного общения хоть сколько-нибудь ощутимого отрицательного воздействия и, по всей видимости, используются целенаправленно, с целью максимального сжатого изложения данных, экономии времени и оказания как можно более быстрого воздействия на оппонента и получения от него мгновенной вербальной реакции.

6. Критика, перебивающая оппонента. Хотя научная речь едва ли ассоциируется с прерыванием человека, перебивания в научной дискуссии – явление естественное, поскольку служит средством мгновенного перераспределения коммуникативной инициативы. Критическое замечание, перебивающее партнера, одновременно является инструментом захвата речевой инициативы, то есть достаточно недружелюбным способом взять слово, и вместе с тем – средством его передачи критикуемому лицу, который вынужден защищать свои взгляды:

(1): *...Но все, что я говорил про то, что гражданское общество – это не сфера, а способ действий...* – (2): *...Я когда Кина излагал, я сказал, что независимость от государства – это либеральный блеф.*

Прерывающая критика редко приводит к коммуникативным сбоям. Более того, благодаря перебиваниям научный диалог приобретает динамичность и ярко выраженный полемический характер, который необходим для интенсификации мыслительной деятельности коммуникантов и благоприятного (в содержательном плане) исхода дискуссии.

7. Ироничная критика. На первый взгляд, ирония тоже может показаться элементом, чуждым научному диалогу. По крайней мере, она противоречит таким качествам научной речи, как эксплицитность, четкость, точность и др. и является достаточно жестким способом дискредитации оппонента, поскольку используется с целью насмешки и издевки:

Светлана: *Мне кажется, что лекция достаточно длинная и в чем-то интересная, но вы банальны: доброта, альтруизм и другие общественно-полезные качества людей имеют отчасти наследственную, генетическую природу. И все?*

То есть ничего нового не добавил? Взял кантовскую типологию и углубил её.

Историку Анфимову, по-моему, было бы лучше его последнюю работу, «Неоконченные споры», не писать.

Во всех трех примерах ирония ориентирована на то, чтобы свести на нет усилия автора. Если в первых двух случаях ирония, сосредоточенная во фразах «И всё?» и «То есть ничего нового не добавил?», фактически направлена на констатацию бессмысленности доклада коллеги и обесценивание значимости его выступления, то в третьем случае ирония, актуализирующаяся посредством совета, выражает скептическое отношение к качеству более значимой работы и имеет целью нанести более серьезный урон авторитету собеседника.

Еще более дискредитирующий характер носит ирония, использованная по отношению к профессиональным качествам ученого в целом. Такая ирония может реализовываться посредством слов с уничижительной семантикой, либо изначально заложенной, либо приобретаемой в контексте, как в случае с неопределенным местоимением «некий», которое в конкретных ситуациях является негативно-окрашенным, ср.: *В сегодняшних или вчерашних «Аргументах и фактах» я прочел уже восьмую серию **некоего** доктора философских наук (**даже не помню его фамилию и не хочу помнить**).* В данном примере ирония, содержащаяся в слове «некий» и подкрепленная фразой «даже не помню его фамилию и не хочу помнить» на осуждение характера всей профессиональной деятельности ученого, на то, чтобы отнести его к числу незначительных отрицательных персонажей.

Конечно, ироничная критика в научной дискуссии бывает менее агрессивной, и в этом случае она приобретает развлекательные свойства, разряжает обстановку, разнообразит процесс обсуждения проблемы, ср.: (1): *Вы в это верите?* – (2): *Я, в общем, часто в таких...* – (3): ***Вы социальный романтик, да?***

Таким образом, несмотря на свой неоднозначный характер, прием иронии достаточно широко представлен в научной дискуссии, что оправдывается его высоким прагматическим потенциалом. Во-первых, ирония, которая представляет собой имплицитную, но при этом как правило легко считываемую критику, выполняет аксиологическую функцию, что относится к ее первоочередным задачам, во-вторых, регулирует статусно-ролевые отношения между участниками научного диалога через установление асимметричных отношений доминирования-подчинения между участниками коммуникации (говорящим, адресатом и объектом иронии) [7, с. 15–16], в-третьих, привлекает особое внимание к моменту обсуждения и имеет развлекательный характер.

8. Критика, смягченная неординарным способом. Смягченная критика (например, посредством указания на положительные моменты исследования: *Она движется в своей логике и даёт нам интересный материал. Но мышление остановилось там*) встречается в научной дискуссии нередко, поскольку, во-первых, способствует реализации принципов толерантного и вежливого общения, а во-вторых, интенсифицирует мыслительную деятельность адресата, побуждает его домысливать отрицательнооценочный компонент реплики, который обязательно последует за положительнооценочным, и, соответственно, верифицировать свои умозаключения.

Если смягчение критики само по себе является обыденным для научной коммуникации феноменом, то появление отдельных способов смягчения критики вызывает вопросы, а оправданность их использования требует пояснений, например: **Я настолько люблю Юрия Михайловича как автора, что с моей стороны хвалить его значит тратить время совершенно впустую.** Как видно, в данном случае смягчение несогласия отличается особой экспрессивностью, за счет использования такого речевого действия, как «признание в любви», не свойственного научной речи. Признание в любви даже в повседневной речи является весьма эмоциональным речевым актом, а оказываясь в пространстве научного дискурса, становится еще более аффективным, превращается в максимально эффективное и действенное средство достижения цели, в данном случае – деинтенсифицировать критику. В основе такой деинтенсификации лежит прием двойной смены оценки: во-первых, переключение с одного объекта оценки на другой (с конкретной научной позиции – на личность исследователя), а во-вторых, модификация вектора оценки – с отрицательной на положительную.

Понятно, что такие экспрессивные речевые акты являются достаточно редким явлением в научной дискуссии и используются в особых ситуациях, например с целью компенсации ущерба, который наносит репутации собеседника резкая критика. Подобная апелляция к профессиональным и личностным качествам коллеги полностью нивелирует направленную в его адрес критику, способствует укреплению его авторитета, ср.: (1): <...> *Вы можете как-то прокомментировать концепцию Светланы Бурлак <...>?* – (2): **Мне очень нравится она сама, но не ее концепция.** Очевидно, что фраза «Мне очень нравится она сама» направлена на минимизацию последствий, к которым может привести последующее несогласие.

Характеризуя систему неканонических способов и приемов выражения критики в целом, стоит отметить следующее:

1) в научной дискуссии одни виды неконвенциональной критики легко комбинируются друг с другом, что усиливает прагматическое воздействие несогласия на адресата (например, неаргументированная критика и указание на нелепость взглядов оппонента), а другие – редко встречаются вместе (например, указание на нелепость взглядов оппонента, с одной стороны, и ирония, с другой, в которых полемический компонент имеет настолько разное выражение – максимально эксплицитное и максимально имплицитное соответственно, что сочетание упомянутых способов выглядело бы как речевой парадокс);

2) каждый из указанных способов выполняет ряд полезных для развития научного диалога функций (от усиления воздействия на адресата до развлечения аудитории), описанных выше, и в силу своего высокого прагматического потенциала редко приводят к коммуникативным неудачам (наподобие **Что ты на меня напал, я тебе задал вопрос. Ты демократ и я демократ, а ты на меня нападаешь**), несмотря на их небезобидный характер. Более того, их присутствие в научном диалоге, наверное, можно в какой-то степени объяснить ленью человеческой мысли, ведь для формулировки и интерпретации завуалированного или аргументированного несогласия, соответствующего всем канонам научной речи, требуется более высокий уровень коммуникативной компетенции и серьезный когнитивный опыт участников речевого взаимодействия, чем для выражения резкой критики, упрощающей речь и делающей ее более доступной и легкой для понимания.

Заключение. Таким образом, диапазон разновидностей неканонической критики в научной дискуссии, с одной стороны, не отличается разнообразием, а с другой – не ограничивается всего несколькими способами, что свидетельствует об их особом статусе в структуре научного диалога – не обязательного, но и не маргинального элемента, превращающего стандартное для научной речи словоупотребление в неординарное.

Литература

1. Соловьева, Н. В. Толерантность в научной дискуссии : лингвостилистический аспект : на материале текстов научных дискуссий 1950–2000 гг. : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. В. Соловьева. – Пермь, 2007. – 244 л.
2. Дементьев, В. В. Об оценочности и абсолютизации в лингвистических исследованиях : к дискуссии А. Д. Шмелева с А. В. Павловой и М. В. Безродным о «лингвонарциссизме» / В. В. Дементьев // Политическая лингвистика. – 2012. – № 1 (39). – С. 11–16.
3. Вольвак, Н. П. Фактор адресата в публичном аргументирующем дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. П. Вольвак. – Владивосток, 2002. – 189 л.
4. Задворная, Е. Г. Эмоциональная оценка в научном диалоге / Е. Г. Задворная // Профессионально ориентированное обучение межкультурной коммуникации : теория и практика : сб. науч. ст. / Минский гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Е. В. Баланович (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2022. – С. 88–93.
5. Маслова, Л. Н. Выражение согласия / несогласия в устной научной коммуникации : гендерный аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Л. Н. Маслова. – М., 2007. – 192 л.
6. Нистратова, С. Л. Об экспрессивности синтаксических средств научной речи / С. Л. Нистратова // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова ; под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. – М., 2004. – Вып. 28. – 192 с.
7. Шилихина, К. М. Дискурсивная практика иронии : когнитивный, семантический и прагматический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / К. М. Шилихина. – Воронеж, 2014. – 50 с.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 08.09.2023